

Лу Цзаоцю одной рукой схватил колючее растение, а другой обхватил Чжун Гуаньбая, отодвигая его от опасности, с тревогой в голосе спросил:

— Ты можешь встать?

Колючки растения впились в пальцы Лу Цзаоцю. Чжун Гуаньбай, не обращая внимания на острую боль в спине и ягодицах, тут же сел на землю, освободив обе руки, чтобы обхватить руку Лу Цзаоцю, сердце его сжималось от боли за него.

Лу Цзаоцю нахмурился, его выражение стало строгим. Это был второй раз за все их годы вместе, когда он выглядел так, будто готов был вспылить. В первый раз это случилось, когда он услышал по телефону, что кто-то предлагал Чжун Гуаньбаю попробовать что-то. Свободной рукой он набрал номер скорой помощи, а затем перевернул Чжун Гуаньбая и прижал к себе.

Одежда Чжун Гуаньбая была тонкой, и колючки пробили ткань, впившись в его спину и ягодицы.

Лу Цзаоцю почувствовал, что кожа под колючками уже опухла и стала горячей.

Он спросил, как Чжун Гуаньбай себя чувствует. Тот, сквозь боль, пытался шутить, но Лу Цзаоцю, посмотрев на него с нахмуренным лицом, строго сказал:

— Замолчи.

Избегая колючек, он поднял Чжун Гуаньбая на руки и быстро направился к выходу из ботанического сада.

Он как раз подошел к воротам, когда прибыла скорая помощь. К счастью, он успел вынести Чжун Гуаньбая, так как в саду были только узкие тропинки и крутые склоны, куда носилки было бы сложно пронести.

Врач осмотрел Чжун Гуаньбая и сказал, что ничего серьезного нет. Хотя площадь поражения была большой, растение не было сильно ядовитым. Достаточно будет поехать в больницу, удалить колючки, провести детоксикацию и немного отдохнуть.

Чжун Гуаньбай, держа за руку Лу Цзаоцю, чьи пальцы были проколоты колючками, сказал врачу:

— Доктор, вы же полубог, пожалуйста, убедитесь, что с его пальцами все в порядке.

Врач улыбнулся:

— Твой случай куда серьезнее.

Чжун Гуаньбай покачал головой:

— Нет-нет-нет, я поранился в неважных местах, а он — скрипач.

Врач вынужден был тщательно осмотреть руку Лу Цзаоцю и снова подтвердил, что после заживления ран не будет никаких последствий. Только тогда Чжун Гуаньбай спокойно лег на носилки и был помещен в машину скорой помощи.

Таким образом, главный дирижер Лу задержался во Франции еще на неделю.

В день отъезда Лу Цзаоцю Чжун Гуаньбай уже был полон энергии. Он отвез его в аэропорт Ницца Лазурный Берег, и Лу Цзаоцю сказал:

— Будь осторожен за рулем.

Он сделал несколько шагов, затем обернулся — Чжун Гуаньбай все еще следовал за ним.

— Что? — спросил Лу Цзаоцю.

Чжун Гуаньбай ответил:

— ... Может, я поеду с тобой?

Лу Цзаоцю:

— Я вернусь на следующей неделе.

Чжун Гуаньбай:

— Я встречу тебя.

Лу Цзаоцю:

— Хорошо. Не приходи слишком рано.

Чжун Гуаньбай смотрел на удаляющуюся фигуру Лу Цзаоцю, чувствуя пустоту в сердце.

Он достал визитку Лэнса и решил отправиться к нему, чтобы найти вдохновение для предложения руки и сердца Лу Цзаоцю.

Лэнс практически жил в горах. Чжун Гуаньбай несколько часов ехал, затем вышел из машины и долго спрашивал дорогу, но так и не нашел нужное место. Вдали виднелось огромное поле подсолнухов, высотой с человека, и казалось, что дальше дороги нет.

Жаркое солнце нагрело капот машины. Чжун Гуаньбай закатал рукава и собрался уезжать.

— Эй! — кто-то крикнул ему.

Чжун Гуаньбай поднял голову и увидел вдалеке на поле подсолнухов мужчину с голым торсом. Его лицо было неразлично в контровом свете, но были видны мускулистые руки и пресс, покрытые каплями пота. На плече он держал топор, словно был плотником.

— Елена, — мужчина свистнул, — твоя машина крутая. Ты сам приехал? Менелай, дорогой, не с тобой?

Это был Лэнс.

Чжун Гуаньбай направился к подсолнухам:

— Нет, можешь забыть об этом.

Лэнс пожал плечами:

— Жаль. Ты приехал за подарком для него?

Чжун Гуаньбай спросил:

— Ты можешь сделать кольцо?

Лэнс поднял бровь:

— О, это не ювелирная компания. В двухстах семидесяти километрах на север есть Тиффани.

Чжун Гуаньбай задумался:

— Ты видел миниатюрные модели скрипок, настолько маленькие, чтобы они могли быть вставлены в кольцо, но настолько детализированные, чтобы можно было рассмотреть струны, подставку и эфы?

— Скрипичные украшения? — Лэнс повел Чжун Гуаньбая в дом. — У меня их много, но на кольцо... Елена, ты собираешься предложить Менелаю руку и сердце с увеличительным стеклом?

— Он заслуживает лучшего, — Чжун Гуаньбай, переступив порог, замер на месте.

Это была не просто комната. Точнее, этот дворец, состоящий из нескольких соединенных помещений, был скрипичной мастерской. У входа была лестница, ведущая в подвал, где рядами

стояли ель, клен и черное дерево — впечатляющее зрелище. Вдалеке в одной из комнат лежали доски с нарисованными формами скрипок, а в другой стояли банки с краской и инструменты для лакировки.

— Я думал, это твой дом, — сказал Чжун Гуаньбай.

— Это мой дом, — с гордостью огляделся Лэнс, — и офис. Елена, я говорил тебе, что если ты хочешь увидеть самую уникальную скрипичную мастерскую в мире, тебе сюда. Посмотри в подвал — это немецкая ель, выдержанная тридцать лет. Наследие предков.

Чжун Гуаньбай повернулся:

— Ты собираешься использовать ее для корпуса?

— Для верхней деки, но это еще не скоро. Она должна ждать еще десять лет, — сказал Лэнс. — В год у меня выходит, — он поднял два пальца, — максимум две скрипки.

Чжун Гуаньбай кивнул, а Лэнс махнул рукой:

— О, честно говоря, я бы больше хотел поговорить о скрипках с Менелаем. Он понимает в них больше, чем ты. Хотя у тебя неплохая фигура, но он... о, он самый красивый восточный мужчина, которого я когда-либо видел. Ты понимаешь? Его красота не в теле, а под ним.

Под ним?

Черт.

Чжун Гуаньбай сказал:

— Хех, конечно, я понимаю лучше тебя.

Лэнс похлопал Чжун Гуаньбая по плечу:

— Пойдем, я покажу тебе украшения, ради нашего Менелая.

В той комнате были всевозможные скрипичные украшения: от огромных шкафов в форме скрипок до крошечных подвесок, от простых моделей игрушек до сложных часов с тематикой скрипок.

— Часть этих украшений сделана мной, другая — моими друзьями. Посмотри на эти модели и декор — это мои работы. Они сделаны из отходов, но все же из ели и черного дерева, выдержанных десятилетиями, — Лэнс говорил с гордостью. — Если хочешь подарить что-то Менелая, я могу дать тебе одно. Ему понравится.

Чжун Гуаньбай покачал головой:

— Есть ли здесь та миниатюрная скрипка, о которой я говорил? — Его взгляд вдруг остановился на прозрачном кубе.

Куб был аккуратно размещен на медной подставке с резным узором, вокруг не было других предметов, только прозрачный колпак сверху, что говорило о том, как хозяин бережно к нему относился.

— Что это? — Чжун Гуаньбай подошел ближе и обернулся. — Можно взглянуть?

— О, будь осторожен. Я не продам его тебе, — Лэнс тут же подошел и осторожно снял колпак, чтобы Чжун Гуаньбай мог рассмотреть.

В прозрачном кубе плавно парили скрипка и смычок.

— Это тоже твоя работа? — удивился Чжун Гуаньбай.

— Нет, я так не могу. Это сделал старик, живущий в горах, — сказал Лэнс.

— Как ты? — спросил Чжун Гуаньбай.

— О, Елена, это слишком грубо, — Лэнс покачал головой. — В общем, после смерти его жены он делал только двенадцать штук в год и продавал их только влюбленным парам. Он был мастером, и если бы он был жив, смог бы сделать то кольцо, которое ты хочешь, но он уже умер.

Чжун Гуаньбай задумчиво посмотрел на изящный куб:

— Пары?

— Да, думаю, старик, возможно, тосковал по своей жене. Он никогда не продавал их поодиночке, только парами, — Лэнс пожал плечами.

— Но здесь только один, — удивился Чжун Гуаньбай.

Лэнс уставился на куб, его изумрудные глаза потемнели, и голос стал тише, словно он говорил сам с собой:

— Потому что тот человек ушел, забрав с собой второй.

Чжун Гуаньбай замер.

<http://bllate.org/book/15543/1382834>